

ЯН ВАЩУК

SADCORE

Ян Ващук

Sadcore

«Издательские решения»

2015

Ващук Я.

Sadcore / Я. Ващук — «Издательские решения», 2015

Sadcore – это стиль музыки, появившийся после десятилетий диско, панк-рока и хип-хопа, когда в атмосфере стала ощущаться нехватка меланхолии. Эта книга – сборник новелл, написанных в разное время и в разных положениях – сидя в электричке, стоя в метро, лежа в постели, за столиком в кафе, на пробежке по набережной. Это сборник наблюдений, воспоминаний и ощущений, прошедших тщательное сведение и мастеринг в угловой студии с видом на Язу из одного окна и на Sunset Blvd – из другого.

© Ващук Я., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Проспект Космонавтов	6
Здесь начинается дорога в космос	8
Мы познакомились на остановке	10
Дневная электричка	12
Хрущевки	15
ГЭС №1	17
Парашют	18
На Трубе	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Sadcore

Ян Ващук

© Ян Ващук, 2015

© Ян Ващук, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Проспект Космонавтов

Пятница, поздний вечер, последний автобус из Москвы в Королев. На въезде в «научноград», где стоят полуразрушенные здания ЦНИИМАШ за колючей проволокой, садится компания сильно подвыпивших мужиков из «космической сферы».

Автобус едет по спящему темному городу, и вдруг какая-то, очевидно, не местная женщина начинает беспокоиться: «А где мне выйти у „Сатурна“?» Один из космонавтов моментально прекращает бухой разговор вполголоса о рыбалке и на весь салон отвечает: «Женщина, Сатурн – за Юпитером!» Назидательно так, даже с возмущением – как, дескать, можно, не зная таких простых вещей, приезжать в колыбель космонавтики.

– А между Юпитером и Сатурном – луноход! – подключается второй мужик из компании.

– Но вам туда не надо! – поясняет третий.

– Я вам скажу, когда Сатурн будет! – не выдерживает наконец водитель, которого, очевидно, напрягает пьяная буча в вагоне.

– Пфф, нервный какой-то, – осуждают его мужики и возвращаются к разговору о рыбалке.

– Конечно, будешь тут нервным, весь день возишь вас, – огрызается водитель, виртуозно проводя свой космический грузовик по узким улицам между брошенными на обочинах автомобилями. Но его уже никто не слышит, и он молча смотрит на звезды, летящие в лобовое стекло, как в скринсейвере Norton Commander.

Беспокойная женщина, выслушав напутствия бывалых космонавтов, успокаивается и начинает ждать объявления остановки «Сатурн». Это такой обшарпанный торговый центр из сайдинга на центральной улице города Королева – проспекте Космонавтов. На этой улице происходят все основные события в жизни города: открытие памятника первому спутнику, включение городского радио, ежегодный марафон, ночные гонки на тюнингованных ладах, разборки, махачи, тусачи, пенные вечеринки, наркобизнес, клубы знакомств и семейные ссоры. На этом проспекте живет 20% населения города, и поэтому тут через каждые три дома – торговый центр. «Юпитер», «Сатурн», «Луноход», «Гелиос»... И какой-то нелепый «Ковчег». Оплот креационистов в средоточии научной фантастики.

Движение звезд замедляется, автобус останавливается.

– Сатурн! – объявляет водитель.

– Спасибо! – отвечает ему женщина, надевает скафандр и выплывает на проспект, условно обозначенный огоньками панельных 12-этажек, чтобы не затеряться в открытом космосе.

Автобус трогается.

– Я помню, 12 апреля 1961-го, когда Юрка полетел, погода стояла совсем другая, – вдруг произносит мужик из компании космонавтов. – Все ходили в майках, помню.

– Да, сейчас совсем не то, – соглашается с ним другой. – Закончились теплые времена.

– Солнце входит в стадию спячки, – объясняет третий. – Это может на десятилетия затянуться.

– «Гелиос», выходим? – бросает водитель через плечо.

– А ты чуть подальше, вот, у «Альфа-банка» останови, – просит космонавт.

Неспешно защелкивает шлем, надевает перчатки, опускает тонированное забрало. Смотрит на заламинированную фотографию жены.

– Ну, мужики, давайте, до завтра!

Включает наручный монитор жизненных показателей. Звезды, летящие на нервного водителя, вновь замедляют свое движение. Автобус резко тормозит. Космонавта швыряет по проходу. «Ничего, ничего», – машет он друзьям, показывает большой палец. Перегрузки, привычно. Двери открываются. Космонавт раздвигает герметичную дверь. Делает глубокий вдох и спрыгивает на безжизненный песок неизвестного астероида. В последний раз машет отчаливающему в космос автобусу и неуклюжими прыжками через лужи метана и кратеры начинает путь к своей панельной 12-этажке, мерцающей на горизонте. Его ведет из стороны в сторону, но он держится на ногах, показывает кому-то большой палец. Слабая гравитация, привычно.

Здесь начинается дорога в космос

На въезде в подмосковный город Королев стоит дом, девятиэтажный панельный дом, первый в цепочке таких же панельных домов, всю стену которого занимает огромная вывеска со словами: «Здесь начинается дорога в космос». Ниже располагается фотоколлаж работы невзыскательного муниципального дизайнера, раскрывающий значение этих слов: вот первый спутник Земли, вот корабль «Восток-1» на старте, вот Юра Гагарин в шлеме, вот сам Сергей Палыч жмет Юре руку, а вот уже современные дети на городском субботнике убирают мусор вокруг гранитного Сергей Палыча, чтобы тот видел, что жизнь прожита не зря, и потомки продолжают его дело. Вывеска сильно потрепана ветром, забрызгана машинами и выжжена солнцем. Ее повесили когда-то давным-давно, в какую-то годовщину, и навсегда забыли о ней, оставив умирать, как новогодний билборд в закоулках июньского гетто. Но время идет, и никто не спохватывается, не вспоминает о ней, потому что ее меседж день ото дня не теряет своей актуальности: «Здесь начинается дорога в космос».

Да, прямо здесь, за этой обшарпанной стеной, в квартире с коврами и наборной мебелью 90-х, с выкашливающим легкие, но курящим ветераном и хищно смотрящими на него внуками, которые в мыслях пишут фразу «Квартира сдается впервые», – именно здесь начинается дорога в бескрайний глубокий космос. Здесь, где лишаются девственности на нелепом диване, где качают бицепс в домашних условиях, чтобы убивать хачей, где раз в год, когда Земля проносится в 147 миллионах километров от Солнца, люди жрут водку и желают друг другу, чтобы все мечты сбылись, в этом самом месте находится отправная точка долгого пути к Урану, Нептуну, Плутону, облакам межзвездного газа и чужим галактикам, в экзистенциальном беззвучии вращающимся вокруг своих черных дыр.

Именно отсюда светлоглазые юноши и девушки, сошедшие с советских барельефов, в погоне за светом и пространством сначала робко проникли за пределы атмосферы, как предсказывал Циолковский, а потом взяли и сделали круче, чем он предсказал – перемигнулись, включили Битлов, погрузились в гиперсон и рванули прочь из Солнечной системы, прочь из Млечного пути, нашли новые планеты и десантировались там, взяв с собой скатанные красные знамена и комсомольские значки. Они создали генетическое разнообразие, построили коммунизм и научились жить в мире и согласии друг с другом. Они столкнулись с непредвиденными трудностями, о которых не могли предупредить ни Циолковский, ни Королев – потому что даже их пророческий дар не позволял заглянуть так далеко в будущее, – но они справились. Они пробурили лед, обуздали плазму, заарканили темную материю, познали сингулярность, перешагнули границы трех, четырех и пяти измерений, и вместе со всем этим багажом решили вернуться домой, чтобы сделать свою родную планету лучше, чище и духовнее.

И они вернулись! Взявшись за руки, снова погрузились в гиперсон, снова преодолели тысячи миллионов километров звездной пыли и пустоты, и опять оказались на орбите Земли, вокруг которой когда-то робко гнул свой единственный виток Юрка, стиснув зубы от перегрузок и передавая вниз: «Вижу облака. Красиво. Красота! Как слышите?..» Они проверили все приборы, они вошли в атмосферу, мягко посадили свои аккуратные посадочные модули на ночном заснеженном шоссе возле автомобильной развязки, молча подошли к памятнику Сергею Королеву, склонили свои продолговатые головы, опустили большие веки и на искаженном сотнями поколений ритуальном жреческом советском русском языке тихо произнесли: «Сергей Павлович, разрешите доложить: ваше задание выполнено». И так же молча, бесшумно и плавно двигаясь на тонких полупрозрачных конечностях, рассредоточились по парку

вокруг памятника, чтобы успеть собрать бутылки, пачки из-под сигарет и обертки от семечек до наступления тусклого январского рассвета.

Мы познакомились на остановке

Мы познакомились на остановке. Был поздний декабрьский вечер, крупными хлопьями валил снег, вокруг нас не было ни души – только я, она, проезжающие мимо пустые трамваи и в отдалении расплывчатые огни квартала, где все уже были дома, рядом с елкой и семьей.

Это был тот самый волшебный вечер, когда в слякотную Москву наконец приходит новогоднее настроение – когда никто уже не ждет его, не рассчитывает на него, не верит во всю эту чепуху из рекламы Соса-Cola, – и тут оно вдруг обрушивается откуда-то из космоса, настигает и захватывает тебя прямо на выходе из метро, материализуется в виде одинокой ослепительно красивой девушки посреди заснеженного пустыря в центре транспортной развязки, берет тебя за рукав и по-свойски спрашивает:

– Простите... А вы мне не поможете добраться до платформы Северянин?

– Да-а-а-а?.. – растерянно ответил я с неопределенной интонацией, что прозвучало скорее как вопрос, не шутит ли она, чем как согласие помочь.

Девушка звонко засмеялась, кивнула вслед уходящему трамваю и невозмутимо продолжила:

– Может, пешком?

Через несколько минут мы шли по девственному снегу между трамвайных рельсов, светлыми фигурками на фоне спящего индустриального пейзажа Ростокино с черными окнами старых заводов и строящихся небоскребов, по берегу широкого и шумного Ярославского шоссе.

Мы весело болтали обо всем на свете, моментально достигнув той легкости общения, когда ты почти не слушаешь собеседника, а просто наслаждаешься звуком его голоса, и с легким нетерпением ждешь, когда он закончит, чтобы ты мог открыть рот и начать говорить сам, доставляя ему точно такое же, почти эротическое удовольствие.

У нас оказалось столько общего, что мы едва ли не с досадой перебивали друг друга, спеша поделиться все новыми и новыми подробностями своей жизни, которые сближали нас с сумасшедшей скоростью. Мы шли очень быстро, почти бегом, и говорили очень громко, почти крича – о кошках, машинах, музыке, учебе, спорте, морозе, фотосессиях, Москве, архитектуре, прогулках, трамваях, и каждая тема порождала дюжину новых. Концентрация близости была так велика, что мне казалось, что мы вот-вот замолчим и начнем целоваться и заниматься сексом прямо тут, на снегу.

Я всматривался в ее лицо, пытаясь понять, чувствует ли она то же самое, как вдруг отчетливо услышал:

– Я просто сразу хочу сказать, что я *за* Путина!

– Что-что? – осоловело переспросил я, видимо, как Николай II в тот момент, когда красный комиссар сообщил ему, что сейчас он и его семья будут расстреляны.

– Я *за* Путина, – сказала она, выделив слово «за», как зазубрину штыка.

– За Путина я, – зачем-то повторила она в обратном порядке, словно вытаскивая штык вместе с моими кишками.

Из глубин моей памяти на помощь взметнулись аргументы: Беслан, Волгодонск, Норд-Ост, Курск, Литвиненко, Алексанян, кооператив «Озеро», офшорные схемы, разоблачения Навального – как белые кровяные тельца, они устремились к ране.

– Я *за*, – сказала она, продолжая идти рядом со мной и мило улыбаться, всем своим видом показывая, что дискуссия ей не интересна.

– Что, прости? – на выдохе переспросил я, как смертельно раненый человек, который еще не понимает, что алая дорожка на снегу – это кровотечение из его перерезанной брюшной артерии, остановить которое уже не сможет никакой жгут.

– Ты же нормально к этому относишься? – поинтересовалась она.

– Да, – коротко ответил я, бессильно пытаюсь придумать что-то на тему кошек, машин, музыки, учебы, спорта, мороза, фотосессий, Москвы, архитектуры, прогулок, трамваев, но из моего рта вытекали тонкой струйкой бессмысленные дежурные реплики. – Это... нормально...

– Это рабочий момент, – произнес я, опускаясь на колени, как герой Виктора Цоя в конце фильма «Игла».

Где-то позади очередной трамвай резко остановился, заскрипел, замер, и примерз к рельсам. В его салоне погас свет, а водитель уронил голову на штурвал. Я услышал, как останавливаются одна за другой турбины окрестных заводов, постепенно переходя от равномерного шума к низкому гулу, как ползет изморозь по высоким окнам машинных залов, как холод подбирается ко мне по рельсам.

– Ты не посмотришь, когда ближайшая электричка до Пушкино? – равнодушно спросила она, глядя на меня сверху вниз.

– Да, конечно, – ответил я, поднимая слабеющую руку со смартфоном.

Резким движением крутанув мою кисть, она какое-то время изучала расписание, потом, очевидно, нашла нужную электричку, развернулась и быстро зашагала к платформе, постепенно превращаясь в точку.

Дневная электричка

Я еду из Москвы на дневной электричке, 14:10. Час пик еще далеко, народа почти нет, по вагону рассредоточились, стараясь не нарушать невидимых границ городского одиночества, пять человек. Как они ни старались сесть дальше друг от друга, все равно получилось кучкой.

Тихо. Мотор еще не завелся.

– Але? – говорит мужской голос в металлической, чрезмерной тишине вагона.

Снаружи вокзал, шум, центр, бытовки таджиков, высотки в тумане, грохот поезда Пекин-Москва, шедшего сорок лет, голос продавщицы хот-догов, всхлипы матери, крик ребенка, объявления по громкой связи для заблудившихся провинциалов. А внутри белого и светлого вагона – тишина, отрезанная от всего этого пневматическими дверями, которые открываются нажатием на кнопку снаружи. Но нажать на нее некому, и пять пассажиров левитируют в тишине, глядя каждый в свой смартфон, газету и планшет.

– Але, – повторяет мужчина. – Зай?

Где-то там, во внешнем мире, есть телефон, вокруг которого, обвившись проводом, как эмбрион, плавает женщина, у которой в руке трубка, которая слушает и слышит только помехи, безжизненный белый шум, реликтовое излучение, нормальный фон, усредненный показатель тишины. Она хочет услышать своего мужа, но слышит только тишину.

В этой тишине она различает, как работает телефонная линия, как идет ток, как щелкают выключатели на АТС, как девушки в цветастых платьях из 70-х порхают по залитому солнцем футуристическому залу с огромными угловатыми машинами, перетякая штекеры из одной дырки в другую, чтобы соединить абонентов города-миллионника. Как работают турбины и дымят большие серые градирни на атомной станции, чтобы обеспечить током телефонную станцию. Как в просторной столовой атомной станции стучат ложками техники и инженеры во время обеда, обсуждая скудные новости закрытого территориального образования. Как воет ветер в коридорах недостроенной больницы возле платформы «Ховрино» на окраине Москвы, где должны были стоять большие, блестящие тусклым блеском престижа современные установки МРТ и позитронно-эмиссионные томографы, вставая из которых пожилые, но подтянутые и белозубые столичные пенсионеры должны были энергично трясти руку доктору, продлившему их счастливую пенсионную жизнь еще на 50 лет, а смеющиеся дети трех поколений на заднем плане – все вместе составлять из разноцветных кубиков слова «ЗДОРОВЬЕ» и «ОПЫТ».

Но вместо этого на покрытом стильной плесенью подоконнике у выбитого окна с видом на индустриальный постапокалипсис позирует ню, немного дрожа от холодного ветра, модель по имени Алина. Ее гладкие худые ноги в туфлях на высоком каблуке выигрышно контрастируют с чудовищной разрухой, думает фотограф Андрей, который лежит на полу и делает снимок за снимком, пока Алина привычно меняет позы.

Андрей – один из сотен, если не тысяч, московских фотографов, которые считают, что обнаженная натура и заброшенные здания – это находка. Ему не нужны какие-то особенные позы, Алина дает ему базу, так это называется у постановщиков, и этой базы ему достаточно,

чтобы захватывало дыхание и губы неловко повторяли услышанные на мастер-классах фразы профессиональных фотографов: «Да, да, хорошо...», «Посмотрели в сторону...», «Голову чуть ко мне, работаем...», делая его больше похожим на оператора-режиссера гастарбайтерского порно. Он заплатил Алине 5000 рублей за три часа съемки, и сейчас второй час на исходе. Где-то звонит телефон.

Где-то в герметично задраенном вагоне электрички на Ярославском вокзале хмурый мужчина настойчиво набирает номер абонента, с которым у него никак не получается соединиться.

Где-то в вакууме Подмосковья витает его жена, настойчиво вслушивающаяся в тишину.

Где-то в глубине коридора недостроенной ховринской больницы, где виднеется краешек фотосумки, мигает экран айфона.

– Я отвечу? – почти утвердительно говорит Алина, уже спуская ногу и показывая пальцами, как она пойдет за телефоном и поговорит по нему.

Андрей отрывается от видеоискателя и смотрит на ее сосок, опасно приближаясь к границе, которая отделяет увлеченного фотографа от хищного самца.

– Да, конечно, – говорит он.

Голая Алина кивает и элегантно бежит по коридору, цокая каблукочками. На опустевший подоконник смотрит самец. Есть ли у меня шанс с ней, думает Андрей. Ведь я заплатил ей, думает он. Как шлюхе, можно сказать, продолжает он. Даже дороже, размышляет он, вспоминая, как они с друзьями угорали над разворотом журнала «Флирт». Если я накину еще столько же, согласится ли она сделать мне минет, думает Андрей.

Прямо тут, в углу комнаты, он будет стоять у стены, а она опустится на корточки, все так же в одних туфлях, расстегнет ему джинсы и отсосет. Потом она игриво вытрет рот и скажет ему, что он симпатичный, и что потом пусть пришлет кадры со съемки, она выложит их у себя в «Контакте», там у нее много подписчиков, и ей приятно, и ему дополнительный пиар. Но плотает ли она, задается вопросом Андрей. Или за это тоже нужно доплачивать, как шлюхам? Алина идет обратно, издали махая рукой Андрею. А если у нее есть парень? Может, она вообще замужем? У такой красотки наверняка должен быть мужик. Красивый, накачанный, богатый. Или некрасивый, дряблый. Но очень богатый. Иначе не бывает. Но это необязательно означает, что она не сосет за деньги, лихорадочно прикидывает Андрей.

– Извини, пожалуйста, – говорит Алина, мило улыбаясь и забираясь на подоконник. – Можем продолжать.

– Кто это был? – неожиданно для себя спрашивает Андрей. Как будто он ревнивый муж, которому Алина обязана отчитываться обо всех своих телефонных звонках. Он густо краснеет.

– Да, ошибся кто-то номером! – просто и по-деревенски певуче, с едва уловимым архангельским акцентом отвечает Алина. – «Але-але...», ничего не поняла. Не знаю, кто это!

Она располагается на подоконнике, ветер треплет ее волосы, она смотрит на свою грудь, потом на Андрея, и почти по-мальчишески спрашивает:

– Ну чего, погнали дальше?

Хрущевки

Рядом с железнодорожной станцией Болшево Ярославского направления стоят пятиэтажные хрущевки – разноцветные, как поролоновые кухонные губки: розовые, желтые, кислотно-зеленые, безоблачно-счастливо-голубые. Их построили почти полвека назад, чтобы временно расселить семьи военных-ракетчиков, которые днем были заняты наведением ядерных боеголовок на виллы Лос-Анджелеса, банды Нью-Йорка и улицы Детройта, и поэтому должны были иметь возможность хорошо спать по ночам, не страдая от возни соседей по коммуналке – чтобы от недосыпа на нервяке во время дежурства случайно не нажать на красную кнопку и не превратить зарождающуюся голливудскую классику и рок-н-ролл в пепел постапокалипсиса.

Военные с радостью въехали в эти дома, обклеили их обоями с цветами, пленками для ванной с горными пейзажами, исчиркали дверные косяки отметками роста своих детишек, обставили мебельным гарнитуром производства ГДР и оборудовали телевизионными антеннами, на которых расселись сытые и безразличные ко всему советские голуби. Время шло, мир не сгорел в третьей мировой, Жаклин Кеннеди не превратилась в пепел, о чем, возможно, жалела, политические карты мира на стенах детских комнат подклеивались скотчем, дослужившиеся до полковников офицеры-ракетчики с унынием смотрели на потрескавшиеся потолки своих квартир.

Ракеты заржавели, шахты заросли полевыми цветами, громкоговорители на столбах покрылись густой паутиной, в бункерах для первых лиц воцарилась тишина, изредка нарушаемая шорохом мятых вкладышей от Love is и Turbo и журчанием подземных вод. Неуклюжий, слепленный из стекла и бетона засекреченный НИИ, в котором рассчитывали траектории межконтинентальных ракет, тяжело вздохнул всеми своими коридорами, лабораториями и переходами между зданиями, и прекратил существование. Военные собрали вещи, военные вернулись домой, к своим семьям, в разноцветные потрепанные временем пятиэтажки.

Они нашли новую работу, они научились петь, рисовать, писать, программировать и продавать недвижимость, они сделали ремонт, содрали обои и побелили стены. Дома-губки налились цветом, они впитали в себя кровь, слякоть и тревогу совка, и из них снова вышли красивые и умные молодые люди – выросшие дети военных-ракетчиков, которые влезли в узкие джинсы, набили татухи и, как их родители, устремились на электричку к станции Болшево. Они отправились в Москву, чтобы создавать проекты, запускать стартапы и встречаться в «Жан-Жак», они перелетели через океан и приземлились в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке и Детройте, а дома-губки впитали в себя нефть, кровь и меланхолию постсоветской эпохи, и опять под давлением земной атмосферы выпустили из себя новое поколение физиков и лириков – лучшие умы, светлые головы, девчонок с пышными волосами, худощавых парней в парках, будущих топ-моделей, музыкантов и поэтов, снимающих дешевые квартиры в Подмоскovie, чтобы хватало на краски, мастер-классы и инструменты.

Как случайная ошибка природы, генетическая мутация, которая вопреки своей нелепости оказалась настолько успешной, что стала с бешеной скоростью воспроизводиться во всех последующих популяциях, цветные хрущевки продолжали жить, дышать и сокращаться даже после того, как создавший их феномен навсегда исчез с политической карты мира, а человек, давший им имя, стал просто картинкой в поиске гугла, символом холодной войны, проигранной непонятно кем непонятно кому.

Электрички продолжали приходить и уходить от станции Болшево, голуби продолжали безразлично сидеть на антеннах, а седые офицеры-ракетчики в запасе, стоя у окна с телевизионным пультом в руке, смотрели на горизонт, поросший строительными кранами, и механически просчитывали в уме траектории межконтинентальных ракет, чтобы чем-то занять время, пока уедут на работу дети и нужно будет идти гулять с внуком.

ГЭС №1

Если ты чувствуешь себя одиноким, покинутым чмом, подумай о лунном затмении. Эта тень на Луне – ее отбрасываешь ты и еще 7 миллиардов человек с их новейшей, новой и древней историей, их традициями, кладбищами и дымящими котельными. Китай с зелеными горами и прозрачными водопадами, КНДР с бритыми затылками и заснеженными блокпостами у оборонных НИИ, Россия с ее покинутыми стройками и темными дырами размером с Европу, замки Европы и небоскребы Лос-Анджелеса, скайлайн которых на этой тени неразличим, но он есть там – как есть и ты, и твоя съемная сталинка в центре, и твой тонкий сутулый силуэт, вышедший покурить меланхоличной московской весной над оттаявшей рекой.

Когда ты вернешься в свою комнату и ляжешь обратно в мятую постель со скомканным одеялом, Луна будет висеть в углу высокого пыльного окна – деревянного старого окна, за которым Якиманка и Большой Каменный мост, и, – если высунуться по пояс, – то краешек Кремля. Она будет светить так ярко, что ты сможешь разглядеть тумбочку у кровати, початую бутылку воды, телефон и два сообщения на экране. Congratulations! You have a new match! Кто-то написал тебе, какому-то другому живому существу ты интересен. Кто-то такой же прямоходящий, разумный и сделанный из той же органики, что и ты, хочет познакомиться с тобой, хочет поговорить с тобой, хочет приехать к тебе, сесть рядом с тобой, обнять тебя за плечи и спросить: «О чем ты думаешь?»

Ты сядешь на краешке постели, напялив майку на одно плечо, и будешь смотреть на Луну. Ты подумаешь о том, что вся эта фантастика с перелетом на другие планеты на самом деле вполне реальна и существует не только в кино. Этот шар – большое небесное тело, на котором можно высадиться, поставить ногу в герметичном ботинке на серый песок и передать по радиосвязи на Землю что-нибудь эпичное. И, пока идет секунда, за которую сигнал преодолет 380 000 километров, расправить плечи, глубоко вдохнуть и поднести руку к шлему, как бы поправляя недоступные за его стеклом хипстерские усы, которые как бы немного спутались как бы от ветра, гуляющего по как бы безлюдной как бы весенней как бы Болотной площади, куда ты как бы вышел погулять, пока Москва еще спит, и единственная живая душа, кроме тебя – это дежурный техник с перетянутым аптечной резинкой хвостиком, читающий «Старик и море» в оригинале, сидя в просторном машинном зале ГЭС №1.

Парашют

Раннее утро, полная маршрутка, натянутая тишина, лучи взглядов. Все едут на работу, мама везет дочку в садик. Ребенок что-то очень увлеченно ей рассказывает, мамаша не очень охотно слушает, стреляя глазами по наглым сидящим студентам.

– Мам, а потом этот дядя заплакал! – говорит дочка.

– Зайка, ну это же тебе снилось, – отвечает мать и нелепо изгибается, вцепившись в спинку кресла, чтобы посмотреть в окно и по вывескам универсамов понять, какой именно квартал Южного Бутова маршрутка проезжает, и не пора ли пробиваться к выходу.

– Просто... – начинает девочка и обрывает фразу на этом слове, совершенно не по-детски оставляя в воздухе драматическое многоточие.

И в этот момент я, один из смотрящих в пол молодых людей, явственно ощущаю ту стену непонимания, которой окружен этот ребенок. Ее миру всего несколько лет, и она, как советский космонавт, падающий в атмосферу внутри тесной посадочной капсулы, отчаянно пытается разобраться в своих ощущениях, прислушиваясь к нарастающему гулу пламени за обшивкой и глядя на неотвратимо приближающуюся Землю со смесью ужаса и восторга.

Она вдыхает кислород, она видит сны, она открывает для себя вещи, у которых еще нет названий, называет плачущего мужчину «дядей», потому что ей неизвестно, что такое «плачущий мужчина», «разбитое сердце» и «сильная женщина». С ней разговаривают камни, ее посещают инопланетяне, ее имя шепчет висящее за окном невидимое существо, которое нельзя разглядеть сквозь изморозь, но можно почувствовать всей кожей, можно изобразить его на листке бумаги и принести воспитательнице в садике, и она улыбнется, и спросит: «Кто же это, зайка?» И эти слова опять ударятся о стену непонимания и превратятся в пепел, как глупые птицы, угодившие под несущийся в огне космический аппарат.

Однажды ночью она проснется в полной тишине – в такой глубокой, что будет слышно, как на улице Якиманке крутится турбина в машинном зале ГЭС №1, и как трещит табак в сигарете дяди, вышедшего покурить на балкон серого дома на набережной, где жили близкие к Сталину люди. «Парашют! Парашют!» – «Расчетный район приземления – квадрат четыре» – «Вас понял» – «Внимание всем, отправляем спасательную команду в район приземления» – будут переговариваться голоса где-то на границе слышимости. «Приземление прошло успешно, повторяю, она приземлилась» – далекий исчезающий шум аплодисментов. Она спустит ноги с кровати, подойдет к окну – растрепанная семилетняя девочка – встанет у стекла и расплющит об него нос, глядя вслед невидимому прозрачному существу, медленно уплывающему от нее за горизонт.

– Пока, – передаст она ему по одной ей известному каналу, одной ей известным языком.

– Прощай, – ответит существо.

– Зайка, ты чего? – заглянет в комнату мама. – Ты с кем разговариваешь?

– Ни с кем, – ответит она.

– Еще ночь, ложись обратно, – сонным голосом скажет мама и закроет дверь.

Девочка дождется, пока проскрипят половицы в коридоре, гроыхнет дверца шкафа на кухне, булькнет вода в фильтре и щелкнет дверь маминой спальни, бросит еще один взгляд на светлеющий горизонт, развернется и поплетется к кровати, на ходу отцепляя от майки стропы парашюта.

На Трубе

– Ты где?! – орет захоластного вида мужик в расстегнутой кожанке в свою мобилу, стоя посреди Трубной площади.

Он неуклюже изгибает руку, приподнимает кепку, вытирает вспотевший лоб и быстро возвращает телефон к уху.

– Але?! – продолжает орать он. – Что? Я где?! Я... э-э-э... – заминается на секунду, ошалело смотрит по сторонам: на голые деревья на Цветном бульваре, на вентиляционные шахты метро, на одноэтажные дома, где два века назад жила прислуга, а теперь живут мажоры и висят объявления о продаже и аренде, по одному качеству печати которых ясна стоимость, на стекляшки возле метро, в которых на нижних этажах – офисы, а на верхних – апартаменты, то есть, сидит, значит, такой офисный планктон в кресле на колесиках, заполняет свои таблицы в экселе, а над потолком, в пяти метрах от него, мускулистый негр жарит состоятельную женщину бальзаковского возраста на ее зеркальном сексодроме оттенков крови и золота; мужик в кожанке вертит головой, нервничает, раздувает ноздри, снова поправляет кепку и уже собирается заорать в телефон, что он – да хуй знает где! – как вдруг видит прямо перед собой стену Богородице-Рождественского женского монастыря. С его покрасневшего лица сходит напряженная гримаса, и оно принимает простое крестьянское древнерусское неизменное выражение радостного узнавания.

– Я-а-а-а у этой! У стены! На Трубе, бля! – ликующе произносит он. – А ТЫ ГДЕ?!

Метро извергает на площадь негустой воскресный поток москвичей, они рассеиваются на маленькие группы и отдельных персон, из апартаментов на 25-м этаже выглядящих как одинаковые черные муравьи: хипстер, художник, решала вопросов, бабка, чикуля, гопник, задрот. Каждый углубляется в свой переулок и ползет по своему маршруту, неся свою тростинку. Один из муравьев хаотично бежит вокруг выхода из метро, затем, вызывая шквал раздраженных гудков, бросается через проезжую часть с криком:

– Я ЗДЕСЯ!

– Эге-е-ей! – машет мужик. Та, кому он машет, уже в его поле зрения, но он продолжает орать в телефон, как будто это мистический ритуал, и связь нельзя прерывать, пока твой собеседник не окажется рядом, не обдаст тебя чесночным запахом и не чмокнет в пухлую щеку.

– Куда ты через дорогу прешь, дура!

– Я ЗДЕСЯ! – радостно кричит веснушчатая русоволосая девушка, размахивая косынкой в чистом воздухе, не содержащем ни угарного газа, ни аэрозолей, разрушающих озоновый слой, ни аромата «Эссе лайт», ни шлейфа «Мисс Диор». Она вкладывает пальцы в рот и свистит, чтобы привлечь внимание парня, который стоит, озираясь, возле стены, отделяющей дворянский Белый город от ремесленного Земляного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.